

**Олег
Хафизов**

**Местное
слово**

16+

Олег Хафизов
Честное слово

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Хафизов О. Э.

Честное слово / О. Э. Хафизов — «ЛитРес: Самиздат», 2016

В семье Тучковых было пятеро братьев – и все генералы. Тучков-первый был выдающимся полководцем и погиб на Бородинском поле. Под Бородином был убит и Тучков-четвертый – самый молодой и романтичный из братьев. Что же касается Павла Тучкова-второго, попавшего в плен в самом начале кампании 1812 года, то он не оставил столь заметного следа ни в военной истории, ни в исторических романах. Зато в плену Павел Тучков вступил в нравственный поединок с самим Наполеоном, уникальный в истории воинской чести.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Олег Хафизов

Честное слово

Это было в те времена, когда генералы ходили в рукопашную.

Гренадерский полк стоял в колоннах после перехода. День был ясный, но к вечеру набегали волнистые облачка, и жара спадала. Темнело какими-то мягкими скачками, как будто одну за другой тушили театральные люстры, но тускло светила еще одна, последняя. Пальба внизу, где шел бой за выход на Московскую дорогу, затихла. Похоже было на то, что дело идет к концу. Солдатам разрешили снять ранцы и сесть на землю. Но часа через два сразу в нескольких местах снова начало регулярно бухать и часто трещать, и снова приказали строиться.

– Ай снова? – спросил молодой солдат сорокалетнего дядьку, помогая ему накинуть на плечи ранец и пропустить ремешки под погоны.

– Это для вида, – отвечал ветеран, разминая круговыми движениями затекшую шею, которую, как обычно, ломило от тяжести ранца. – Постреляют еще, чтобы карахтер соблюсти, и разойдутся.

– Почему ты знаешь?

– Потому темнеет.

Однако на сей раз старик ошибся. С той стороны, где небо уже позеленело до бутылочного цвета, показались несколько пылящих всадников. Полковой командир, отдыхающий под навесом на раскладном стуле и на минутку снявший сапоги с нагруженных ног, встрепенулся, стал торопливо обуваться и застегиваться. Перед собиравшейся колонной рысью проскакал сердитый генерал с большой звездой на груди, в сопровождении офицера в шляпе и трех пестрых гусар. А после того, как на место действия явился сам генерал, никакого послабления ожидать не приходилось.

Дело принимало опасный оборот. Отступая из Смоленска, русская армия выходила на большую Московскую дорогу. Но некоторые части, обозы и тяжести еще тащились по проселочным дорогам и сильно отставали. Если бы французам удалось захватить место выхода на Московскую дорогу, то все эти отсталые части оказались бы отрезаны и разбиты.

Генерал с несколькими полками и орудиями укрепился на возвышениях у пересечения дорог и с утра отбивал напирających французов. Он уже оставил один второстепенный холм и отошел за болотистую речку, разобрав за собою мост. Масса кавалерии, погнавшаяся следом, была обстреляна с главной батареи, потопталась перед разобранном мостом и вернулась, потеряв многих всадников. Французам удалось занять одну из деревень в окрестностях дороги, но генерал сам, во главе Полоцкого полка, прогнал их оттуда. Оставалось совсем немного времени до наступления спасительной темноты, в которой французы прекратили бы свои атаки, а остатки русских сил собрались и продолжили правильный отход. Но в это время замолкла батарея, ведущая огонь из центра русской позиции. Русские егеря, с самого утра рассыпанные по придорожным зарослям и шелкающие из укрытия подходящих французов, забеспокоились. Наши пушек не было слышно, и им, оторванным от основной массы, стало казаться, что их бросили. Наши цепи стали отползать, подаваясь назад.

Генерал поскакал на батарею и увидел картину, которая привела его в ярость. Несколько орудий уже стояли в упряжках, готовые к отправлению. Другие откатывали из укрытий и ставили на передки. На вопрос, как смеет он без приказа оставлять позицию, командир батареи отвечал, что лично принял это решение, поскольку его боеприпасы были отправлены с отступающими, для ускорения общего отхода, а ему было оставлено всего по одному зарядному ящику на орудие. И все его заряды кончились.

– Надеюсь, что вы говорите правду, – сказал генерал. – Потому что, в противном случае, вы будете расстреляны.

Он приказал открывать зарядные ящики один за другим и обнаружил только у нескольких орудий по два-три неистраченных заряда. Приказав снять эти орудия с передков и продолжать огонь до последнего выстрела, генерал поскакал в штаб главнокомандующего. Здесь его уверяли, что ситуация с отосланными боеприпасами известна начальнику артиллерии, и на место отступающей батареи тотчас будет выслана другая, с полным боевым комплектом.

– Но наши егеря прекратили огонь, французы теперь осмелеют и займут холм как раз к тому времени, когда наши пушки туда приедут! – возражал генерал.

– Ну, вот и прекрасно, – отвечали ему. – Возьмите сами знаете, какой из подходящих полков, и отгоните их оттуда.

Все это объяснил и показал на карте генерал начальнику гренадерского полка, который уже мечтал, как скинет тесные сапоги и прикорнет хоть на пару часов в своей раскладной койке, но сначала пропустит стаканчик рому и закусит его ароматным кренделем.

– Полку в батальонных колоннах надлежит выступить немедленно и на штыках вынести противника отсюда, – и генерал карандашом указал то место на карте, из которого следовало изгнать противника.

Однако полковой командир повел себя неожиданным образом. Вместо того, чтобы салютовать и прыгнуть в седло, он начал мяться и объяснять что-то насчет того, что его полк устал после дневного марша. Что это чуть ли не единственный полк во всем корпусе, который еще сохранен в приличном порядке, но после штыкового боя он будет полностью расстроен и не сможет участвовать в том деле, что завяжется завтра поутру. Что, наконец, скоро окончательно стемнеет, и в темноте будет неловко драться.

– При таком настроении вам и в любое время лучше не драться, – отвечал генерал таким холодным тоном, который был хуже пощечины. – Я сам поведу полк.

Ударил барабан. Генерал вскочил в седло и поехал впереди колонны в ту сторону, где тонущее малиновое солнце отбрасывало последние зловещие блики на фиолетовые китовые спины облаков.

«Черт бы их побрал», – думал он и о батарее, и о полковнике, и обо всей этой истории, оставившей у него на душе тягостное впечатление.

Казалось, это дурное настроение передавалось и солдатам, которые шли за генералом не то, что робко, но как-то вяло, формально. С каждым шагом спуска в низину, где, по представлению генерала, должны были находиться французы, становилось все темнее. Скоро в потемках перед ними стали рассыпаться веселые яркие огоньки и раздаваться несерьезные трескучие хлопки, как будто мальчишки бросали петарды в рождественскую ночь.

– Передние короче шаг, задним не оттягивать! – генерал обернулся к первому взводу, опасаясь, что в темноте робеющие задние ряды будут замедлять шаг и растягивать колонну.

В это время лошадь генерала взбрыкнула передними ногами, хрипя и мотая головой, стала по-собачьи усаживаться на зад и заваливаться в сторону. Барабан смолк. Колонна сделала еще несколько шагов по инерции и остановилась. Выпростав ноги из стремян, генерал успел соскочить с седла прежде, чем умирающая лошадь упала и придавила его своей тяжестью.

– А ну! – закричал генерал, поднимая с земли упавшую шляпу и водружая ее на голову. – Не я, но моя лошадь ранена! Вперед! Не оттягивать!

Он выхватил ружье из рук ближайшего солдата, стал справа от первого взвода и решительным шагом пошел перед колонной со штыком наперевес. Поступок генерала был необычный и дикий не только с точки зрения XIX-го века, но хоть и с точки зрения Чингис-хановых времен, когда военачальник так же, как и сегодня, должен был руководить боем издалека, а не лезть в драку лично, оставляя людей без управления. Барабан ударил, и люди приободрились.

Рассыпная стрельба перед наступающей колонной прекратилась. Впереди уже можно было различить бесформенную, как бы раздутую темнотою толпу людей, и даже разобрать белеющие панталоны и перекрестья ремней. На том расстоянии, где французам полагалось дать залп, генерал стиснул зубы и нахмурился, но грохота не последовало. Французы ждали русских grenadiers без выстрела, подбадривая себя к предстоящей драке задорными гнусавыми выкриками.

– Короче шаг! – повторил генерал. – Не бежать! Ура не кричать! В десяти шагах!

«Вот это бой!» – подумал он с бешено бьющимся сердцем и, после того, как стали хорошо видны лица французам и до них можно было добросить камнем, закричал: «За мной, ребята! Ура!» и побежал, как бешеный бык.

От первого сумасшедшего наскока русских французская колонна не опрокинулась, а только отшатнулась и расступилась. Однако, убежав вперед за генералом, первый взвод не заметил, что задние ряды замешкались и стали подаваться назад, а опомнившиеся французы обступают их со всех сторон. Оглядевшись, генерал увидел, что полка с ним нет, и на него лезут со штыками люди с нерусскими, перекошенными лицами. И пошел рукопашный бой, то есть, горстку отбившихся русских стали со всех сторон яростно тыкать штыками, рубить и резать саблями, как загнанных на убой животных.

Генерал еще пытался парировать ружьем удары нападающего на него офицера с саблей, но в это время его что-то сильно ударило в правый бок, как будто садануло бревном, и от этого удара он вверх тормашками полетел на землю. Еще не чувствуя боли, генерал пытался подняться на ноги и снова драться, но его пнули в голову так, что все вокруг зазвенело и из глаз посыпались длинные пучки электрических искр, а затем в его грудь уперлись сразу несколько штыков. Говорят, что в такие моменты перед взором человека должна промелькнуть вся его жизнь, но перед глазами генерала мелькали чьи-то запачканные панталоны, и он еще обратил внимание, что одна штанина его убийцы заправлена в круг, а другая выбилась поверх нее, и это непорядок.

– *Laissez moi faire, je m'en vais l'achever!*¹ – услышал он чей-то вопль, солдаты расступились, и он увидел над собою нового палача – того самого прыткого усатенького офицера, которого он пытался отогнать от себя штыком.

– *Je m'en vais l'achever!* – повторил офицер и нанес лежащему генералу удар саблей такой сокрушительной силы, что от него, казалось, голова должна была отскочить с плеч на несколько шагов.

Голова, однако, не отскочила. Генерал почувствовал сильный тупой удар, как от кувалды, его нос и горло тут же наполнились кровью, но он не умер и даже не потерял сознание. Сквозь розовый дым он видел все происходящее и даже отдавал себе отчет, что уважительно расступившиеся солдаты теперь как бы получают мастер-класс владения саблей от своего лихого командира.

Офицер изо всех сил ударил генерала еще раз саблей по голове. Солдаты, столпившись, наблюдали за убийством, как покупатели на рынке наблюдают за действиями мясника, отсекающего выбранную часть туши. Офицер ударил еще и еще раз, но генерал отчего-то не умирал. В своей ярости, в потемках, убийца не замечал, что во время ударов конец сабли каждый раз зарывается в земляную кочку, за головой его жертвы, и, вместо того, чтобы разрубить череп, средняя часть лезвия лишь кромсает кожу. Офицеру, наконец, становилось неудобно перед подчиненными из-за его недостаточной сноровки, и он, полагая что-то неладное со своим оружием, стал рассматривать клинок в свете месяца, проглянувшего из-за облаков. В это время лунный свет засиял на звезде и эполетах лежащего перед ним человека.

---

¹ Пустите меня, я его прикончу! (франц.)

– Ого, да это важная птица! – воскликнул офицер, довольный тем, что вышел из неприглядного положения. – Лучше возьмем его в плен!

Изрубленного, исколотого, грязного генерала обезоружили, подняли под руки и поволокли в штаб.

Взявший его в плен офицер, только что упражнявшийся в рубке лежачего, теперь проявлял чисто французскую галантность, доходящую до навязчивости. Он умолял генерала не держать на него обиды за ту ужасную сцену, которая разыгралась во время боя, потому что, в конце концов, *c'est la guerre*², и они могли легко поменяться ролями.

– Вы храбрый солдат, и для меня было честью скрестить с вами меч, – говорил француз. – Ваши солдаты веди себя великолепно, и только поэтому я имею дерзость просить вас об одолжении.

– Об одолжении? Меня?

От многочисленных ударов голова генерала сильно кружилась, и ноги подкашивались, и все же, сквозь тошноту и звон, он почувствовал изумление.

– Сейчас вас представят маршалу, и я умоляю вас напомнить ему, что я отбил штыковую атаку русских и взял в плен генерала. Теперь я в звании лейтенанта, но в Лионе меня ждет невеста, и ее родители обещали мне ее руку в том случае, если я закончу эту кампанию в звании капитана. Так что, вы замолвите слово? Меня зовут Этьен, лейтенант вольтижерской роты.

---

² Это война (франц.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.